

УДК 341.222

Киреев А.А.
Kireev A.A.

К вопросу о типологии азиатских границ России (I часть)

On the typology of Asian boundaries of Russia (I part)

Статья посвящена концептуальным и методологическим проблемам исторической типологизации особенностей азиатской границы России и её отдельных участков. В первой части статьи автор критически анализирует основные направления современных отечественных исследований границ России в Азии и предлагает свою типологическую схему для описания развития последних.

Ключевые слова: *Азиатская Россия, азиатские границы, исследования границ, лимитроф, линейная граница, типология, фронтир, широкая граница*

The article is devoted to conceptual and methodological problems of historical typologization of the features of Asian boundaries of Russia and its sections. In the first part of the article the author critically analyzes the main directions of current domestic studies of the boundaries of Russia in Asia and offers own typological scheme for the description of the development of these boundaries.

Key words: *Asian Russia, Asian boundaries, border studies, limitrof, linear border, typology, frontier, broad border*

В современную эпоху, когда внешние контакты обществ по своей интенсивности быстро приближаются к их внутренним отношениям, а в некоторых случаях и превосходят их, всё более очевидным становится тот факт, что государственные границы принадлежат к числу важнейших общественных ресурсов. Осознание того, что границы могут быть для общества не только тяжким бременем и источником тревоги, но и мощным средством развития, имеет особую значимость для России. Обладая периметром государственной границы протяжённостью свыше 61 тыс. км., Россия является величайшей пограничной державой мира.

Конечно, само по себе данное обстоятельство ещё не может служить основанием для каких-либо преувеличенных ожиданий. Использование такого ресурса как граница – это деятельность, связанная с куда большими вложениями и рисками, чем эксплуатация месторождений углеводородов и других природных богатств российских земель. И, пожалуй, самым серьёзным препятствием к его использованию является необходимость предварительных значительных инвестиций того, что можно было бы назвать интеллектуальным капиталом. Ведь государственная граница – это общественно-природный объект высокой системной сложности и большого типологического разнообразия. Условием

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

эффективного, продуктивного управления подобным объектом является его комплексное научное изучение и решение целого ряда теоретических проблем.

Сама протяжённость российского пограничного периметра достаточно ясно указывает на ту научную и практическую актуальность, которую имеет проблема его внутренней неоднородности. Различные формы ландшафтно-климатической, экономической, социально-демографической, культурной, религиозной и политико-административной дифференциации территории России и сопредельных с ней стран дают множество критериев для аналитического деления, сегментации этого периметра. Однако в этой многослойной мозаике российской границы присутствует исторический субстрат, заслуживающий, на мой взгляд, приоритетного исследования. Роль такого субстрата выполняет фундаментальное деление границы России на европейский и азиатский сегменты.

Исключительная глубина и устойчивость дифференциации российской сухопутной границы на европейскую и азиатскую части, местом встречи которых с конца I тыс. н.э. служило Северное Причерноморье (а точнее, западные пределы северо-причерноморских степей), а с XVIII в. – восточное побережье Чёрного моря¹, имеют под собой комплекс предпосылок, ещё требующих своего внимательного изучения.

Наиболее общими и очевидными² из этих предпосылок являются различия природной и социетальной среды формирования европейских и азиатских границ. Сравнительно мягкий климат, отсутствие резко выраженных естественных (орографических) барьеров, лесные ландшафты на западном краю российских земель создавали в целом более благоприятные условия для колонизации, всех видов сообщений и, в конечном счёте, лимогенеза, нежели те, что были на их азиатской окраине, где действие сурового континентального климата усугублялось огромными расстояниями, сложной структурой рельефа с труднопроходимыми горными массивами и, вместе с тем, наличием лишённых какой-либо природной защиты обширных степных пространств. Не меньшая контрастность была присуща европейскому и азиатскому порубежьям России с точки зрения этнокультурного облика, уровней и форм социально-экономического и политического развития прилегавших к ним обществ. Если на европейских рубежах Россия соприкасалась с культурно и отчасти этнически близким и относительно однородным христианским миром, страны которого в целом опережали её в историческом развитии, то на азиатских границах картина была значительно более пёстрой. Здесь непосредственными соседями Руси/России первоначально являлись разнообразные и значительно более далёкие в расовом и культурном отношении от её великорусского ядра этнические общности тундры, лесной и степной полосы Северной Евразии, в большинстве своём безгосударственные и бесклассовые³, а позднее – государства древних буддо-конфуцианской и мусульманской цивилизаций, социально-экономическая и политическая организация которых, однако, к моменту

¹ Таким образом, значения терминов «европейский» и «азиатский» в рамках данной статьи несколько отличаются от их определений в физической географии. Территориальное расширение автором азиатского сегмента границ Руси/России связано с отнесением районов, населённых кочевниками восточно-европейской степи и горскими народами Северного Кавказа, к «Азии» по культурно-историческим причинам.

² К сожалению, эта очевидность сохраняется лишь при первом, панорамном, взгляде на изучаемый объект.

³ Наиболее развитые политические образования этого региона – прежде всего, Золотая Орда и её наследники – как правило, балансировали на грани суперсложного вожества и государства.

территориального сближения с Россией едва ли в чём-либо превосходили российские.

Специфика основных природных и общественных условий месторазвития европейских и азиатских границ России не могла не оказать значительного влияния на темпы, направленность и результаты их генезиса. Не столь очевидным, но, судя по всему, не менее сильным дифференцирующим фактором для свойств двух главных сегментов российского пограничного периметра на протяжении длительного времени являлась и государственная политика. Геополитическая двуликость российского государства, в своих отношениях с Западом и Востоком не только преследовавшего различные цели, но и прибегавшего к разным дискурсам, стала реальностью задолго до петровской эпохи. При этом, в данном случае под разными дискурсами понимаются не только особенности символического, церемониально-дипломатического языка, но и одновременная укоренённость российской власти в двух глубоко своеобразных формах мировосприятия. Это западно-восточное раздвоение культурно-психологических оснований и символических, нормативных и институциональных средств внешней, региональной и, практически не отделявшейся от них в то время, пограничной политики России может быть достаточно чётко прослежено вплоть до середины XIX в.

В настоящей работе я постараюсь охарактеризовать воздействие названных предпосылок на генезис европейских и азиатских границ России, а также выявить содержание сложившихся в ходе этого процесса их важнейших типологических особенностей. При этом основное внимание будет уделено раскрытию специфики азиатских границ страны, тогда как особенности европейских рубежей будут затрагиваться лишь в качестве сравнительного материала. Это связано не только с относительно лучшей изученностью европейских границ, обусловленной, прежде всего, общей, не преодоленной до сегодняшнего дня географической асимметрией социогуманитарных исследований в России. Существенно и то, что исследователи этого сегмента российских границ имеют возможность, и во многих случаях необходимые основания, для того, чтобы опереться на опыт и концептуальные построения зарубежной и, в первую очередь, европейской, лимнологии. Что же касается азиатской части пограничного периметра России, то пространственная и временная плотность его научного изучения пока остаётся разительно меньшей, а обоснованность применения в нём различных теоретических заимствований (как я далее намериваюсь показать) – весьма проблематичной.

Несмотря на пока сравнительно небольшой общий объём, массив отечественной научной литературы, посвящённой вопросам формирования и развития азиатских границ России, демонстрирует (со второй половины 90-х гг. XX в.) высокие темпы роста и состоит на сегодня не только из описательных, но и из обобщающих, концептуальных и даже методологических работ. Хотя теория и, в т.ч. типология, российских границ в Азии в настоящее время только начинают своё становление, уже беглый обзор позволяет констатировать существование в этой области двух в разной мере оформившихся направлений, маркерами которых выступают такие ёмкие категории как «фронтир» и «лимитроф».

Лидирующим из этих направлений, с точки зрения, как числа приверженцев, так и длительности и степени развития, безусловно, является концепция «фронтира». По мнению В.Н. Чернавской, впервые в современной историографии Азиатской России понятие «фронтир» было использовано в 1989 г. в научном докладе Е.В. Алексеевой, посвящённом колониционному движению на восток и освоению Русской Америки во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. [20, с. 6]. Вместе с тем, на американском эмпирическом материале «фронтирная» концепция

анализировалась в отечественной науке ещё в советский период [3], а прямые параллели в характере процессов территориального роста российского и американского обществ проводились в работах отечественных исследователей, в частности Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, уже во второй половине XIX в. [1, с. 429-432].

Тем не менее, заслуга создания и первоначальной разработки «фронтирной» концепции принадлежит американским, и, шире, англоязычным, исследователям. Основоположителем данной концепции и возникшего под её влиянием с конца XIX в. научного направления является американский историк Ф.Дж. Тернер, определявший «фронт» как границу между освоенными и неосвоенными территориями [25]. Следует подчеркнуть, что помимо подвижности, важнейшей чертой границы этого типа для Тернера был её общественный, вольно-переселенческий характер: исходя из тернеровского подхода, американское государство являлось скорее продуктом «фронтира», нежели его создателем [1, с. 213-214].

На протяжении всего XX в. популярность «фронтирной» концепции, несмотря на её острую критику в США, во всём мире неуклонно возрастала. Свои «фронтиры» были обнаружены в различных регионах планеты – от Канады до Южной Америки и Австралии [21; 22; 24]. В то же время, параллельно с расширением научного и внеучного употребления данного понятия в тернеровском значении, оно приобретало и иные, дополнительные смыслы. Уже в первой половине XX в. «фронтиром» начинают именовать любую зональную границу, не только общественную, но и государственную, если последняя отличалась от «линейной» границы современного национального государства (например, границу империи)¹. Возможно, что такая трактовка «фронтира» восходит к изданной в 1916 г. работе английского геополитика Т.Х. Холдича, в которой проводилось концептуальное различие между пограничной полосой (*frontier*) и пограничной линией (*boundary*) [12, с. 119].

Подобный же процесс расширения объёма понятия «фронт» в настоящее время характерен и для исследований азиатских границ России. В рамках их изучения «фронтирная» концепция всё более воспринимается как некое универсальное средство, пригодное для описания и анализа всех направлений и участков российской экспансии XVI – XX вв. на Восток – от Кавказа до Аляски². К этой концепции или, по крайней мере, к её центральному понятию считают необходимым прибегать авторы исследований по проблемам и вольно-народной, и правительственной колонизации, а также по вопросам внешней политики и военных захватов Российской империи в Азии [5; 6; 14; 17]. Более того, в некоторых отечественных работах понятие «фронт» приобретает футурологический оттенок и применяется к рубежам, пролегающим в киберпространстве и даже в космосе [15, с. 100].

В отличие от понятия «фронт», категория «лимитроф» встречается в работах исследователей азиатских границ России заметно реже. Если «фронтирная» концепция сегодня взята на вооружение представителями уже довольно широкого круга социогуманитарных наук, то «лимитрофная» – связана в основном с такими дисциплинами как политология, геополитика и теория международных отношений.

¹ В таком широком значении понятие «фронт» использовалось, в частности, в работах О. Латтимора. Например: [23].

² Как откровенно утверждает в связи с этим один из отечественных авторов – «Фронтиры можно найти повсюду» [15, с. 100].

Хотя в международно-политической практике это понятие эпизодически употреблялось с XVIII в.¹ [11, с. 25], в научный оборот оно было введено относительно недавно – в 90-е гг. XX в. – благодаря усилиям российских учёных С.В. Хатунцева и В.Л. Цымбурского. Отвлекаясь от некоторых разногласий, можно сказать, что в целом оба эти автора трактовали «лимитроф» как протянувшуюся через Евразию широкую зону (полосу) межцивилизационного пограничья [18; 19].

Следует отметить, что явления подобного же рода зачастую рассматриваются в различных социогуманитарных исследованиях (в т.ч. посвящённых Азиатской России) под другими терминами (например, «буферная территория» или «контактная зона») [2; 4; 7; 11]. Это указывает на значительный познавательный потенциал «лимитрофной» концепции, существующие возможности для её много- и междисциплинарного развития, проведения сравнительных исследований и построения масштабных теоретических обобщений.

Вместе с тем, серьёзным препятствием к реализации потенциала этой концепции является наблюдающаяся тенденция к метафоризации понятия «лимитроф», к его превращению в многозначный, содержательно перенасыщенный символ. В разных исследованиях и даже одновременно в одной и той же работе «лимитроф» выступает в качестве то рубежа, то вполне самодовлеющего пространства (региона (регионов) или страны (стран)), представляется как межцивилизационная и как межгосударственная территория, ассоциируется и с внешним окружением государства и с его внутренними периферийными районами² [7, с. 106-107, 111; 13, с. 5; 16, с. 15-20].

Такая семантическая многогранность категории «лимитроф» свидетельствует о том, что сегодня за ней скрывается целый комплекс более или менее тесно сопряжённых (а порою просто случайно связанных) явлений. Дальнейшее продуктивное изучение этих явлений настоятельно требует разделения данной категории на ряд более точно и узко дефинированных понятий.

С точки зрения целей данного исследования особый интерес представляет вопрос о соотношении понятий «лимитроф» и «фронтир». В научной литературе, рассматривающей особенности азиатских границ России, эти понятия (если учитывать упоминавшийся выше термин-заместитель «лимитрофа» – «буферная (барьерная) территория») в некоторых случаях употребляются совместно и взаимодополнительно [8, с. 14-17; 10, с. 10-14; 16, с. 13-20]. В этих работах азиатская граница России описывается как носительница одновременно «фронтирных» и «лимитрофных» черт. Более того, поскольку многие из таких черт содержательно совпадают (зональность, подвижность, стихийность), то понятия «фронттира» и «лимитрофа» оказываются почти синонимами, практически сливаются друг с другом.

Таким образом, для современных исследований азиатских границ России характерны размытость и логическая несоотнесённость понятий, претендующих на выражение сущностной специфики изучаемого объекта. При этом, практика их нынешнего использования исследователями говорит о том, что азиатскому сегменту российских границ свойственны не только общие особенности, но и значимая внутренняя неоднородность, которая, однако, до сих пор не нашла воплощения в какой-либо чёткой типологической схеме. С отсутствием подобной достаточно определённо сформулированной типологии тесно связана и вторая актуальная про-

¹ Так, по окончании первой мировой войны оно применялось к новым государствам, возникшим на западной окраине бывшей Российской империи.

² В последнем значении «лимитроф» близко соответствует такому лимнологическому понятию как «приграничье» (или «borderlands»).

блема – неясность пределов географической и хронологической применимости понятий «фронтир», «лимитроф» и других категорий лимнологического анализа, а значит и невозможность последовательного описания процессов исторического генезиса границ России в Азии.

Построение типологии азиатских границ России, прежде всего, требует уточнения определений понятий, которые должны стать её главными составляющими. Место исторически и логически исходного элемента в этой типологии, с моей точки зрения, принадлежит понятию «фронтир». Определяя место «фронтира» таким образом, я отталкиваюсь от первоначального, тернеровского, его понимания, как негосударственной (в т.ч. догосударственной), общественной границы, текущего результата стихийного, вольно-народного колонизационного процесса. Из общественной природы «фронтира» вытекают такие его признаки как высокая, перманентная (объективная и субъективно полагаемая) подвижность, связанная со стихийностью формирования границы; зональная территориальная форма, отражающая неравномерность, мозаичность заселения и освоения новых земель; нерегулируемость, отсутствие или номинальность государственного контроля над границей и трансграничными контактами.

Как уже отмечалось, в западных, а под их влиянием и в отечественных, исследованиях, «фронтир» часто противопоставляется границе линейного типа. Действительно, если охарактеризовать «линейную» границу по тем же параметрам, которые были использованы выше в описании «фронтира», то можно увидеть, что эти типы рубежей во многом противоположны. «Линейным» границам свойственны выражаемая в идеале их «нерушимости» и закрепляемая международно- и национально-правовыми нормами высокая стабильность; точно (линейно) зафиксированные в результате делимитации и демаркации географические координаты; основанная на системе развитых институционально-правовых механизмов (погранохранных, таможенных, миграционных и иных) комплексная регуляция трансграничных потоков. Высокий уровень организации границы линейного типа соответствует структурной сложности исторически наиболее развитой формы государства (социальной системы) – государства-нации, органической частью которого эта граница является.

Имея под собой достаточно прочные основания, типологическая дихотомия «фронтирной» и «линейной» границы сама по себе, однако, слишком упрощает описываемый ею процесс исторического развития границ. Исходя из того, что главным вектором этого развития является прогрессирующее огосударствление границы, историческая типология границ не может не учитывать факта существования форм государственной организации, отличных от современного государства-нации. Эти, в целом более примитивные с точки зрения своей структуры, государства часто принято объединять под именем «доиндустриальных»¹. Внешние рубежи подобных «доиндустриальных» государств обладают существенными особенностями, которые, по мнению автора, можно обобщить в понятии «широкая» граница. К основным признакам «широкой» границы я отношу периодическую подвижность, связанную с волнообразным, пульсирующим характером государственной экспансии и представлением о временности каждого из достигнутых в ходе неё рубежей; зональную форму, обусловленную неделимитированностью (в т.ч. вполне сознательной) пределов государственного суверенитета, его градуированной

¹ В действительности под этим довольно неточным термином скрывается множество очень разных политических образований – от близких к вождествам «зачаточных» ранних государств до рабовладельческих и феодальных (и даже более поздних) империй. См.: [9, с. 195-210].

(в виде концентрически расходящихся от центра сфер фактической и символической власти) природой¹; военно-политическую регуляцию трансграничных потоков, при низкой актуальности иных регулятивных задач и неразвитости соответствующих механизмов государственного контроля.

Как можно видеть из этого схематического описания, «широкая» граница особым образом соединяет в себе, синтезирует характеристики «фронттира» и «линейной» границы, занимая тем самым промежуточную, переходную позицию в задаваемой ими исторической типологии. Здесь необходимо подчеркнуть, что предлагаемая схема рассматривается автором именно как типология, а не как стадияльная теория развития. Выделенные типы расположены в исторической последовательности их появления и порядке возрастания сложности их организации (производной от сложности формирующих их социальных систем). Однако это не означает, что указанные типы должны в той же последовательности, с необходимостью и необратимостью, присутствовать в развитии каждой конкретной границы. Напротив, в истории отдельного территориального рубежа черты «фронттира», «широкой» и «линейной» границы могут сменяться как в прямом, так и обратном порядке, и в различной последовательности. Более того, разные участки границы одного и того же государства (общества) или его региона в одно и то же время могут иметь различную типологическую сущность.

Что же касается категории «лимитроф», то, на мой взгляд, она не может быть непосредственно включена в представленную типологию. Понятие «лимитрофа» скорее относится не к границам в собственном смысле слова, но к явлениям более высокого географического ранга – пространствам, а точнее – к промежуточным социальным пространствам, разделяющим более крупные и плотнее структурированные. «Лимитроф» выступает месторазвитием некоторого общества или ряда обществ, и в силу этого является не только объектом, но и субъектом пространственных отношений. Подвергаясь мощному воздействию смежных более развитых социальных систем, «лимитроф», в отличие от границы, не является их органической частью. Он формируется не только извне, но и изнутри, под действием своих собственных закономерностей и принимаемых его представителями решений. Условиями существования «лимитрофа» являются, во-первых, наличие пронизанных «гравитационными полями» соседствующих социальных систем (обществ и государств), но не поглощённых ими «ничейных земель», а, во-вторых, низкая степень огосударствления границ этих систем, и, как следствие, их высокая проницаемость, слабо регулируемая контактностью.

Подобные условия характерны для эпохи «доиндустриальных» обществ и государств с границами «фронттирного» и «широкого» типов. Именно эта эпоха и является временем расцвета между- и трансграничных пространств, которые можно отнести к категории «лимитрофов». Формирование же современных государств-наций, сопровождающееся разделом «ничейных земель» и укреплением государственного контроля над границами, ведёт к разрушению аутентичных «лимитрофов», остатки которых сохраняются в некоторых случаях лишь в виде удерживающих определённую специфику в структуре национальных пространств «приграничий» («borderlands»).

Окончание следует

¹ В эпоху, предшествовавшую появлению государств-наций, как в европейских, так и в азиатских странах, источниками государственного суверенитета являлись монархи (суверены). Такой персонифицированный характер суверенитета был тесно связан с его пространственной эластичностью и градуированностью.

Литература

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. 600 с.
2. Арутюнова-Фиданян В.А. Армянско-византийская контактная зона (X – XI вв.). М.: Наука; Восточная литература, 1994. 236 с.
3. Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США: (Критический анализ концепции Ф. Тернера) // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 57-74.
4. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: «Муравей», 2004. 600 с.
5. Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Тюменский фронт (методологические заметки) // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 4. С. 187-192.
6. Дубман Э.Л. Некоторые особенности освоения юго-востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII в. // Вестник СамГУ. 2009. № 7. С. 6-11.
7. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
8. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 12-21.
9. Классен Х.Дж.М. Теория раннего государства сегодня // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 190-218.
10. Лысенко А.В. Концептуальные основания изучения культурных ландшафтов Северного Кавказа в контексте феномена пограничности // Вопросы современной науки и практики / Университет им. В. И. Вернадского. 2009. № 1. С. 8-16.
11. Маргарян Е.Г. На стыке римского и восточноэллинистического цивилизационных «номосов». Из истории приевфратской контактной погранзоны // Актуальные проблемы современных политико-психологических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты: материалы международной научно-практической конференции 10–11 марта 2012 года. Пенза – Ереван – Колин: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. С. 5-33.
12. Основы регионоведения. / Под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.
13. Пикулин А.Ю. Лимитрофы как межцивилизационные пространства // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 3-7.
14. Побережников И.В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2011. № 4. С. 191-203.
15. Приходько Н.Н. Фронтальная теория в геополитике на востоке России // Вестник ТГУ. 2007. № 298. С. 98-102.
16. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX-начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
17. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. На фронтах империи // Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 16-36.
18. Хатунцев С.В. Новый взгляд на развитие цивилизаций и таксономию культурно-исторических общностей // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Ч.1. Воронеж, 1994.
19. Цымбурский В.Л. Земля за великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Бизнес и политика. 1995. № 9. С. 50-62.
20. Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII века. Владивосток: Дальнаука, 2003. 176 с.
21. Eccles W.J. The Canadian Frontier. N.Y., 1969.
22. Hennessy A. The Frontier in Latin American History. L., 1978.

23. Lattimore O. Studies in frontier history. Collected papers. 1928 – 1958. L.: Oxford University Press, 1962.
24. Perry T.M. Australian's First Frontier. L., 1963.
25. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // The Annual Report of the American Historical Association. 1893. P. 199-227.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoj i tsivilizatsionnoj dinamike. XVI – XX vv./ V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov, I.V. Poberezhnikov. M., 2004. 600 s.
2. Arutyunova-Fidanyan V.A. Armyansko-vizantijskaya kontaktnaya zona (X – XI vv.). M.: Nauka; Vostochnaya literatura, 1994. 236 s.
3. Bolkhovitinov N.N. O roli «podvizhnoj granitsy» v istorii SSHA: (Kriticheskij analiz kontseptsii F. Ternera) // Voprosy istorii. 1962. № 9. S. 57-74.
4. Voskresenskij A.D. Kitaj i Rossiya v Evrazii: Istoricheskaya dinamika politicheskikh vzaimovliyanij. M.: «Muravej», 2004. 600 s.
5. Ganopol'skij M.G., Litenkova S.P. Tyumenskij frontir (metodologicheskie zametki) // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 4. S. 187-192.
6. Dubman E.H.L. Nekotorye osobennosti osvoeniya yugo-vostoka Evropejskoj Rossii v kontse XVI – nachale XVIII v. // Vestnik SamGU. 2009. № 7. S. 6-11.
7. Zamyatin D.N. Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov. SPb.: Aletejya, 2003. 331 s.
8. Zamyatin D.N. Fenomenologiya geograficheskikh obrazov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 8. S. 12-21.
9. Klassen K.H. Dzh.M. Teoriya rannego gosudarstva segodnya // Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshhestv: materialy mezhdunarodnoj konferentsii /otv. red. N.N. Kradin. Vladivostok: Izd. dom Dal'nevost. federal. un-ta, 2012. S. 190-218.
10. Lysenko A.V. Kontseptual'nye osnovaniya izucheniya kul'turnykh landshaftov Severnogo Kavkaza v kontekste fenomena pogranichnosti // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki / Universitet im. V. I. Vernadskogo. 2009. № 1. S. 8-16.
11. Margaryan E.G. Na styke rimskogo i vostochnoevrazijskogo tsivilizatsionnykh «nomosov». Iz istorii prievfratskoj kontaktnoj pogranzony // Aktual'nye problemy sovremennykh politiko-psikhologicheskikh fenomenov: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii 10–11 marta 2012 goda. Penza – Erevan – Kolin: Nauchno-izdatel'skij tsentr «Sotsiosfera», 2012. S. 5-33.
12. Osnovy regionovedeniya. / Pod red. I.N. Barygina. M.: Gardariki, 2007. 399 s.
13. Pikulin A.YU. Limitrofy kak mezhtsivilizatsionnye prostranstva // Regional'nye issledovaniya. 2008. № 2. S. 3-7.
14. Poberezhnikov I.V. Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizatsiya // Izvestiya UrGU. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2011. № 4. S. 191-203.
15. Prikhod'ko N.N. Frontirnaya teoriya v geopolitike na vostoке Rossii // Vestnik TGU. 2007. № 298. S. 98-102.
16. Remnev A.V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX-nachala KHKH vekov. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2004. 552 s.
17. Remnev A.V., Suvorova N.G. Na frontirakh imperii // Tartaria Magna. 2011. № 1. S. 16-36.
18. KHatuntsev S.V. Novyj vzglyad na razvitie tsivilizatsij i taksonomiyu kul'turno-istoricheskikh obshhnostej // TSivilizatsionnyj podkhod k istorii: problemy i perspektivy razvitiya. CH.1. Voronezh, 1994.

19. TSymburskij V.L. Zemlya za velikim Limitrofom: ot «Rossii-Evrazii» k «Rossii v Evrazii» // *Biznes i politika*. 1995. № 9. S. 50-62.
20. CHernavskaya V.N. «Vostochnyj frontir» Rossii XVII – nachala XVIII veka. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 176 s.
21. Eccles W.J. *The Canadian Frontier*. N.Y., 1969.
22. Hennessy A. *The Frontier in Latin American History*. L., 1978.
23. Lattimore O. *Studies in frontier history. Collected papers. 1928 – 1958*. L.: Oxford University Press, 1962.
24. Perry T.M. *Australian's First Frontier*. L., 1963.
25. Turner F.J. *The Significance of the Frontier in American History* // *The Annual Report of the American Historical Association*. 1893. P. 199-227.